

Шэнь Янь тихо выдохнул. Перед лицом клубился белый пар. Сердце вроде бы успокоилось, но в следующий миг снова словно взмыло в воздух. Он думал, что стоит всё сказать — и станет легче, но в душе по-прежнему царил беспорядок. Возможно, ему просто нужно время.

Шэнь Янь поплотнее запахнул пуховик и пошел назад. Он все еще был мокрым от пота, и от холодного ветра липкая влага неприятно холодила кожу. Он ускорил шаг. Возле подъезда в картонной коробке прятался щенок, из которой выглядывала пара угольно-черных глаз. Шэнь Янь встретился с ним взглядом. Глаза у щенка были мокрыми и блестящими, придавая ему жалобный вид. У Шэнь Яня дрогнуло сердце, но он не стал подходить и, вскинув рюкзак на плечо, поднялся наверх.

В квартире было очень тепло. Шэнь Янь сбросил пуховик и отправился в душ. Горячая вода лилась прямо на голову. Наклонив голову, он прерывисто дышал, все еще вспоминая выражение лица Чжао Линьсу, когда выходил из машины. Впрочем, разглядеть толком ничего не удалось: Чжао Линьсу сидел к нему в профиль и так и не повернул головы, застыв, словно картина. Лишь под конец он тихо произнес: «Ладно». В тот миг у Шэнь Яня сжалось сердце. Неизвестно почему, просто сжалось — быть может, потому, что он никогда не видел Чжао Линьсу таким. Тот казался абсолютно спокойным, но эта невозмутимость выглядела вынужденной, будто у него просто не оставалось сил на иную реакцию, и притворный покой был единственным выходом.

Шэнь Янь поймал себя на мысли, что уже с трудом помнит, как все было раньше. Время — не прямой отрезок, который можно ровно разрезать на части и перематывать назад, когда захочется.

Смыв с себя пот и переодевшись, Шэнь Янь уселся на кровать, подогнув ноги. Он взглянул на спортивную джерси и мысленно ободрил себя: «Вперед, ты справишься».

В воскресенье у Шэнь Шэня наконец был выходной. Воспользовавшись передышкой, он ни свет ни заря отправился в супермаркет и вернулся с горой продуктов, готовый продемонстрировать свои кулинарные таланты.

— Похолодало, так что я сварю тебе каши и оставлю в рисоварке в режиме подогрева. Еще я купил одноразовые контейнеры и ложки, утром перед выходом накладывай сколько съешь, — крикнул из кухни Шэнь Шэнь, помешивая в глиняном горшке кашу с сушеными морскими ушками и гребешками. — Кстати, Янь-Янь, ты ведь давно не брал завтрак из дома?

Шэнь Янь, сидевший в гостиной и евший приготовленные братом лилии с османтусом, при этих словах на миг замер с ложкой в руке.

— А, ну да. Брат, а ты можешь сварганить побольше?

— Не переживай, на всех хватит. Скоро Новый год, на работе сейчас не так чтобы завал. Каждые пару дней буду варить тебе по кастрюле — то сладкую, то соленую. Ты ведь любишь кашу из черного риса? Через пару дней сварю с фасолью, сладкую-сладкую, совсем как мой поросенок~

Шэнь Шэнь в кухне совсем вошел в азарт и пританцовывал, напевая себе под нос.

Шэнь Янь со смехом покрутил головой:

— Кто тут твой поросенок? Отвали.

— Кто отозвался, тот и поросеночек~

Шэнь Янь улыбнулся, слегка поджав губы.

Отношения между братьями были близкими и чистыми; за двадцать лет ничего не изменилось.

Как было бы хорошо, если бы любые отношения, любые чувства оставались такими же.

Без потрясений. Стабильными и долговечными.

[sy: Завтра захвачу кашу на завтрак, идет?]

[Сын: 1]

Чжао Линьсу, похоже, и впрямь умел проводить границы.

Вчера вечером не было «спокойной ночи», а сегодня утром — «доброго утра».

Он вернулся к «прежнему себе».

Пока Шэнь Янь не писал сам, тот молчал. А когда Шэнь Янь обращался к нему, мгновенно прилетал краткий ответ: «1».

— Линь Су ведь тоже сможет поесть? — подал голос Шэнь Шэнь, выходя из кухни. — Помню, аллергии на морепродукты у него нет.

— У него ни на что нет аллергии, желудок как у дворняги.

— Ха, ну ты даешь! Не мели чуши, Линь Су такой воспитанный парнишка. Но, если подумать, в детстве он и правда был чернявым и диковатым. Особенно глаза — смотрит, словно дикий зверь. Эх... — Должно быть, из-за приближающегося праздника Шэнь Шэнь предался ностальгии. — Время-то как летит.

Шэнь Янь ничего не ответил. Он зачерпнул ложку лилий — сладость с легкой горчинкой мягко растеклась по языку.

*

— Каша. Осторожно, горячая.

Шэнь Янь протянул завтрак.

— Спасибо, — сказал Чжао Линьсу.

— Машину починил?

— Починил, по страховке, все в порядке.

— Ну и отлично.

Прижимая к себе контейнер с горячей кашей, Шэнь Янь все еще чувствовал тревогу. Сестра-то в машину он сел, но так и не решился взглянуть на Чжао Линьсу.

— Чего молчишь? — спросил Чжао Линьсу, следя за дорогой.

— А? — переспросил Шэнь Янь. — Да так, ничего.

Чжао Линьсу усмехнулся и мельком посмотрел на него:

— Не подсыпал же ты мне яд в кашу? Сидишь тише воды, ниже травы — нечисто у тебя на душе?

Те же четыре слова, но воспринимались они Шэнь Янем совсем иначе.

Чжао Линьсу поддразнивал его.

Изо всех сил пытался вернуться к «прошлому», о котором просил Шэнь Янь.

Шэнь Янь тоже улыбнулся:

— Боишься отравиться — не ешь.

Чжао Линьсу отвернулся, губы его чуть приподнялись.

Сегодня над его головой снова было чисто.

Шэнь Янь подумал, что раз Чжао Линьсу старается, то и ему не следует отставать.

На душе у Шэнь Яня потеплело, но в душе Чжао Линьсу царила холодная, звенящая тишина.

Рано радовался.

А затем в один миг вернулся к исходному состоянию.

За все выходные Чжао Линьсу поспал от силы часов шесть.

Сон не шел. Он совершенно не мог разобраться в собственных чувствах. Это было похоже на извергающийся вулкан, на который внезапно обрушилась снежная лавина: не легкие порхающие снежинки, а целый завал, накрывший с головой. От жара к лютomu холоду без малейшего перехода — за пару секунд все вокруг сковал бескрайний лед.

Глубокой ночью он принял мелатонин, чтобы заставить себя уснуть.

Завтра садиться за руль, садиться невыспавшимся нельзя.

Проснувшись в седьмом часу, он умылся, оделся и вылез на балкон, тихий и молчаливый, глядя на темнеющее небо. Когда рассвело и прозвенел будильник, он спустился, сел в машину, поехал за Шэнь Янем и шутил с ним, как ни в чем не бывало.

Хань Хэ сегодня не появлялся.

Шэнь Янь перевел дух, подумав, что тот еще не окончательно потерял человеческий облик.

Чжао Линьсу по-прежнему сел рядом с ним. После занятий они вместе пошли поесть, а после обеда Чжао Линьсу предложил зайти в библиотеку, и Шэнь Янь охотно согласился.

Сессия была на носу, так что библиотека трещала по швам, свободных мест не нашлось. Чжао Линьсу предложил кофейню за пределами кампуса, но и там все было забито.

— Ладно, за перерыв все равно толком ничего не выучишь. Давай лучше прогуляемся,

переварим обед.

Они неспешно шагали по аллее с облетевшими платанами.

— Ты планируешь уехать домой на зимние каникулы?

— Угу.

— Когда едешь?

— Как только сдам экзамены.

Чжао Линьсу улыбнулся:

— Отправлю тебе праздничных угощений из дома.

— Ха-ха, тогда перед твоим отъездом я просто обязан устроить тебе прощальный ужин.

— Позовем Чжу Нинбо.

— Его? Да ну, он сейчас увлечен любовными делами, ему не до нас.

Разговор тек легко и привычно, но Шэнь Янь, несмотря на расслабленность, не мог избавиться от странного неуловимого ощущения на душе.

Краем глаза он взглянул на Чжао Линьсу. Тот казался немного бледным; устремив взгляд куда-то вдаль, он смотрел перед собой. Вскоре, словно почувствовав на себе чужой взгляд, Чжао Линьсу повернулся и встретился с ним глазами. Он мягко улыбнулся, взгляд его был теплым.

— Можно я приду к тебе на Новый год напроситься на обед?

Шэнь Янь слегка обомлел:

— Конечно! Вчера брат как раз вспоминал тебя.

— И что сказал Шэнь Шэнь?

— Спрашивал, нет ли у тебя аллергии. Я ответил, что у тебя луженый желудок, как у дворняги, какая еще аллергия.

Чжао Линьсу приподнял уголок губ и небрежно бросил:

— От собачьей пасти не дождешься слоновой кости.

Шэнь Янь на автомате сделал выпад ногой, но Чжао Линьсу ловко увернулся:

— А вот и загнанная в угол собака прыгает через забор.

— Иди ты к черту!

Они пару раз шутливо погнались друг за другом, Шэнь Янь рассмеялся, и Чжао Линьсу тоже улыбнулся.

Вот оно — то самое прошлое Шэнь Яня.

Прошное, в которое он так хотел вернуться.

Во второй половине дня, когда закончилась факультативная лекция, Чжао Линьсу подвез Шэнь Янь до ворот жилого комплекса.

Шэнь Янь попрощался, Чжао Линьсу с легкой улыбкой махнул рукой, но стоило дверце закрыться, как улыбка на его лице угасла.

Два дня подряд Хань Хэ не появлялся, словно вся история осталась позади. А на третий день наступил Новый год.

Новый год выпал на выходные, получились отличные длинные праздники.

Чжао Линьсу, как и договаривались, пришел в гости поесть.

Он давненько не заходил, поэтому Шэнь Шэнь решил приготовить пышный обед. Однако в суматохе совершил оплошность: когда готовил баранину на ребрышках и влил вино, вспыхнувшее пламя обожгло ему руку.

Услышав шум из кухни, Шэнь Янь и Чжао Линьсу поспешили проверить, что случилось.

— Все в порядке, просто немного обжегся, — беззаботно отмахнулся Шэнь Шэнь.

Но Шэнь Янь сильно перепугался:

— Какой там «в порядке»! Рука так покраснела, вот-вот волдыри покроют. У нас есть мазь от ожогов? Или принести зубную пасту помазать?

Шэнь Шэнь, уступая беспокойству брата, сдался:

— Мазь от ожогов есть, у меня в комнате, в аптечке.

<http://bllate.org/book/18373/1766039>